

„РАЗЛИВ“ и „БЕССМЕРТИЕ“

ЛЕНИНГРАДЕЦ Давид Рафаилович Финко право первого исполнения споей симфонической поэмы «Разлив» предоставил Иркутску и сам приехал на премьеру. Композитор обучался в Ленинградской консерватории композиции (окончил по классу О. Евлахова) и фортепианной игре. Владеет многими оркестровыми инструментами. Тяготеет в творчестве к симфонической музыке. Основные сочинения: две симфонии, две небольшие оперы, пять симфонических поэм, концерт для хора и органа, ряд вещей камерного плана.

В поэме «Разлив» ставилась задача показать величие Ленина. Сочинение построено на трех основных образах (материалах, темах). Первый — образ тишины, природы, философски сосредоточенного раздумья. Композитор нарочно приехал в Разлив в 5 часов утра, когда не было людей и никто не мешал проникнуться чувством благоговения: ведь по этим тропинкам когда-то ходил Ильич! Образ Разлива огнюдь не статичен. В ходе пьесы он развивается симфонически и временами становится шумом ветра, волнением озера.

Второй образ — тема революционной обстановки того времени. В музыке ощущается своеобразный «переплав» интонаций «Варшавянки» и «Марсельезы». Активная, волевая, тема олицетворяет дух революции, ее напор.

И третье — откровенно русская удаляя мелодия. На всех этапах многовековой борьбы Руси с супостатами — мыслит композитор — немалую роль играло исконно русское свойство: удал, молодечество, храбрость, «артельность». Случаев героизма, самопожертвования, особенно из истории Октября и Великой Отечественной войны, — не счесть. Большевикам девятьсот семнадцатого, делавшим революцию, говорит автор, в большой степени свойственны были эти черты.

Сурово-сосредоточенно начинают пьесу альты, к ним присоединяются скрипки. Это «тропинки», по которым бродил Ленин. Лес, Тишина. Нарастание — мощное предвосхищение второго материала. Но вот мы в атмосфере активного, решительного. В музыке напряжение, струнные возбужденно пульсируют. Это период после падения Временного правительства. Тишина. Снова Разлив — соло кларнета: теперь уже сам Ленин здесь. Вступает, наконец, третья тема, русская, удаляя. В полифонической разра-

Иркутские страницы Ленинианы

ботке звучит и музыка природы, но в преображенном, активизированном виде. Мысль Разлив работает на революцию. Напор нарастает. Наступает главная кульминация. От нее — подход к образу величия: видится памятник — шалаш из гранита, это «величайшее место», откуда шла революция, где решалась ее стратегия. Следует лирическое отступление: «Жаль, что его нет». Вдруг взрывается страстная музыка, исполненная пафоса. У труб тема удал, волнуется природа. Фаготы сигнализируют: «Революция в опасности». Борьба в разгаре. В наступившей репризе (заклительный отдел) активная, широкая, маршевая музыка рисует шествие народных масс. Зычно медью возвещается тема удал, но в увеличении. Снова первая тема — и наступает мощный апофеоз.

Произведение Д. Финко подлинно симфонично, так как оно освещает основную мысль в ее прогрессивном росте и многообразии до тех пор, пока центральная идея — образ Ленина, как полководца революции, — не достигает полного и законченного воплощения.

КРУПНОЙ и примечательной вехой сибирской Ленинианы стала оратория Марка Сергеева и Александра

Флярковского «Бессмертие». Иркутский поэт и композитор-москвич работали основательно. Первоначально вещь должна была называться «Улица Ленина», но тема разрасталась все шире и разветвленней. В оратории шесть частей: «Память», «Искра», «Пионерская», «Сибирская», «Колыбельная», «Бессмертие». Исполнительский состав: меццо-сопрано, баритон, детский хор, смешанный хор, симфонический оркестр. Тематическая «разнонаправленность» разделов текста определила и хороший контраст музыкаль-

ный. Ценность текста для нас в том, что он «сибирский». Но это «местное» не пошло в ущерб главному, публицистическому строю вещи в целом. От младенца, «героя» «Колыбельной» нить ведет к тому, кого «двадцать второго апреля приняли руки России». Так частное превращается в главное. Если каждая из остальных частей завершена и обособлена, то «Пионерская» заметно переходит в «Сибирскую», и неспроста. Пионеры — будущие юноши и девушки: комсомольцы. Они продолжают дело Ильича. Сначала в лагерях и геологических походах, потом в палаточных городках на могучих энергетических стройках Сибири. В части «Искра» историческая конкретность — в Шушенском Ильич замыслил партийный орган — символически переосмысливается в образ-символ, «искру», из которой возгорится пламя». Произведение Марка Сергеева мне, рядовому ценителю поэзии, представляется значительным, талантливым. Отличное знание поэтом Сибири, впечатления от Шушенского, в котором он бывал часто, помогли ему найти яркие образы: меткие мысли. Покоряет текст второй части («Искра»), сделанный в духе народного сказа, сибирской легенды о Ленине. Чудесна строфа:

Расскажи мне, птица:
Что в Руси творится:
Я царем запрятан
В темную темницу.

Хочется привести несколько запомнившихся образов. О Ленине: «Сына баюкал лес, грудью кормила Волга». «В Шушенском охотник целится по тронам». «Утро надело нашей планете галстук торжественной зари». Хороша поэтическая ги-

пербола в манере Маяковского: «Только мы сомнем ладоши, и появятся моря. Только мы сердца раскроем — и везде растает лед». А вот сказано метко и красиво: «Мчат поезда, оленьи трубы» (кто слышал осенний рев изюбра где-нибудь на сопке, тулко отдающийся по распадам, оценит эту находку).

Ценность музыки А. Флярковского, прежде всего, в мелодичности, выразительности, доступности. Но «демократичность» умело «сдобрена» — в верно найденных пропорциях — остро звучащими современными звукоочетаниями. Даже лейтмотив оратории, произывающий произведение от начала до конца, постоянно дается «с участием» терпко звучащей секунды (два рядом находящихся звука). Кстати, между собой авторы называли этот лейтмотив «сигналом», вроде позывных радиостанции, который всякий раз напоминает: «Мы говорим о Ленине». Из мелодий хотелось бы выделить тему народного «сказа» об охотнике из Шушенского. Хоровая фактура (равно и партии солистов) превосходны. Мастерски выполнена оркестровка. Из многоцветной палитры оркестра в нужный момент отбираются инструменты колоритного тембра (трогательный образ матери оттенен нежно пульсирующим вибратоном, жизнерадостная молодежь — пронзительным ксилофоном). Ударные инструменты вообще использованы со вкусом.

Мастерство сказывается почас в умелом самоограничении. Этому пример — скупая, словно эскиз карандашом, оркестровка «Пионерской». Такие акварельно вписанные места помогают слушателю «перевести дух» после массивных и зычных звуковых пластов.

Оратория «Бессмертие» создана (и поэтом, и композитором) тепло и любовно. Содержательное произведение достойно раскрывает образ гениального вождя.

Несправедливо было бы умолчать об инициаторе и непосредственном исполнителе трех ленинских премьер в Иркутске — дирижере В. Барсове.

Иркутяне могут гордиться, что именно в нашем городе состоялось первое исполнение столь весомой и интересной «Ленинской триады», воспевающей вождя революции.

В. СУХИНЕНКО.